

Тот самый Артур Миллер

Жерар МЕДАЛЬ

«ЛИБЕРАСЬОН», ПАРИЖ.

НАДО полагать, что Артуру Миллеру на роду, еще до рождения, было написано сделать карьеру в Голливуде. Сын предпринимателя, производившего одежду, он чуть-чуть не стал сыном воротилы в области седьмого искусства. В 1915 году некоему Биллу Фоксу, бывшему служащему магазина готового платья, потребовались капиталы для основания киностудии в Калифорнии, и, естественно, он стал искать их в среде, которую лучше знал, — производстве одежды. Он обратился к Исидору Миллеру, польско-еврею, которому, можно сказать, повезло — тот преуспел. В Нью-Йорк он приехал один и не успел еще отметить седьмую годовщину с того дня, а теперь у него появились машина и шofer.

Можно ли верить декатировщику?

Для его сына Артура «подобная трансформация была неудивительна и в то время, и в последующие годы. Жизнь воспринимали тогда как папирусный свиток, который разворачивался бесконечно и сообщал иногда удивительные вещи, но большей частью это были хорошие вести».

У Исси Миллера были все основания пойти на предлагаемую сделку: хотя он и был совершенно необразован, но обожал спектакли и всю жизнь будто бы мечтал о том, чтобы увидеть живым настоящего актера. Беда лишь в том, что этот Билл Фокс был декатировщиком, а эта профессия, больше чем какая-либо другая, внушала недоверие Миллеру-старшему. Декатировка — это размещение рулонов с тканями над паровым котлом, чтобы ткань села до того, как с ней начнут работать. Материя садилась, но кто может сказать, насколько? «На одного декатировщика, говорящего правду, сколько таких, которые потихоньку воровали куски и возвращали фабриканту наполовину отоцтавшие рулоны, ссылаясь при этом на плохое качество ткани, дающей большую усадку при проведении операции? Верх наивности — верить слову декатировщика», — рассказывает драматург.

Исидор Миллер не поверил и поэтому упустил случай стать главным держателем акций киностудии «XX век-Фокс». Эта давнишняя история случилась еще при рождении Артура Миллера, ровно восемьдесят лет назад, осенью 1915 года.

Но все это не помешало Артуру покорить Голливуд, зайдя с другого конца: он стал известным драматургом, сценаристом, а это дало ему возможность жениться на Мэрилин Монро. Сейчас, когда он только что отметил свое 80-летие, он полон жизненной энергии и творческих планов. Его «Какая-то девочка» выходит в Америке и в Европе, он работает над новой пьесой, руководит еще одной экранизацией «Салемских колдуний» и готовится к поездке в Англию, где прочтет серию лекций в Оксфорде.

Положение Артура Миллера в американской литературе не совсем обычное. Долгое время на него смотрели как на своего рода изюма из-за его политических симпатий левым, но в то же время он был воплощением американской мечты: этот начавший с нуля *self-made man* (человек, который сам себя сделал) не только преуспел, но и сам превратился в неотъемлемую часть американского мифа, став мужем Мэрилин Монро.

Отец Миллера, конечно, ошибся, отказавшись от предложения Билла Фокса: кризис его разорил. Его сын вынужден был пойти работать, чтобы платить за учебу. Он был шофером грузовых автомобилей, продавцом запасных частей, разводил мышьяк для лабораторных работ. Но очень скоро, еще будучи студентом Мичиганского университета,

За рубежом, — 1995. — 17-23
нояб., — с. 14-15

Артур Миллер сегодня.

А. Миллер и М. Монро. 1958 г.

начинает зарабатывать на жизнь сочинением разного рода сценариев для радио. В то время Артур Миллер колеблется между романом и пьесой для театра, но темперамент все же толкает его к сцене.

«Все драматурги, — вспоминает он, — в той или иной степени неудавшиеся актеры. Кроме того, в 30-е годы театр был самым живым искусством. В 1940 году я написал уже четыре или пять пьес, дважды получил премию Мичиганского университета и этим привлек внимание некоторых продюсеров и актеров в Нью-Йорке. В первой из пьес прототипами послужили некоторые члены моей семьи, и я рассказал о забастовке на предприятии по пошиву готового платья».

Одновременно он получает стипендию для постановки своей пьесы, став одним из победителей национального университетского конкурса (другим был Теннесси Уильямс). Таким образом, в 1944 году была поставлена пьеса «Человек, которому так везло», но у самой пьесы шансов оказалось не так уж много: она сошла с афиши после четвертого представления. Подсказанная во многом событиями, происходившими в его собственной семье и в семье его первой жены, она изображала Америку средних слоев и была не лишена социальной и политической значимости. «В пьесе я рассуждал на тему о судьбе и справедливости, пытался понять, почему одного человека преследовала неудача за неудачей, в то время как другой, поставленный в те же самые условия и одаренный теми же качествами, неизменно имел успех», — говорит он.

Брак с Мэрилин

ТРЕМЯ годами позже «Все мои сыновья» называют лучшей пьесой года в Нью-Йорке. С этого времени успех никогда не изменял драматургу. Ни одного дня не проходит, чтобы какая-нибудь из его пьес (а их 21) не ставилась на той или иной сцене мира.

Пьесы Миллера — это прежде всего особый тон, одновременно и крайне изощренный, и вполне доступный. Вспоминая пьесы, которые нравились его родителям, Артур Миллер признает, что семейное влияние сказывалось не только на выборе тем, но и на стиле. Например, о своей тетке Стелле, смешной и трогательной в своей одинокой старости, он пишет в автобиографии: «Я вдруг понял, что она, так же, как и мать, оказывала на мой писательский стиль значительное влияние, хотя сам я и не осознавал этого. Именно ей я обязан правилом, которое не считал возможным нарушить ни под каким предлогом: никогда женщина с седыми волосами, необразованная, наивно-вульгарная, но нежная и любящая, не должна ухаживать с моих спектаклей разочарованной».

С 40-х годов Миллер неизменно анализирует характерные черты времени. Таким образом, его пьесы дают нам довольно

грамму протеста. Генерал заинтересовался, не тот ли это Миллер, писатель, который был мужем Мэрилин Монро, после чего приказал освободить Шойнку.

Однако, по крайней мере сначала, его связь с Мэрилин Монро вызвала к нему зависть и доставляла всякие другие неприятности. Это было время, когда он оказался в фокусе внимания Комиссии по антиамериканской деятельности, которая выслеживала интеллектуалов левых взглядов, обвиняя их в деятельности в пользу Советов. «Салемские колдунии», этот почти открытый выпад против маккартизма, еще больше осложнили его положение. Он дешево отделался: ему грозила тюрьма за оскорбление конгресса. Как бы там ни было, но для низкопробной бульварной прессы он не представлялся иде-

а когда Джон Хьюстон снимал «Неприкаянных». Америка утратила незыблемость веры в свое превосходство, а коммунистическая мечта обанкротилась. «Раздували довольно бредовую идею о том, что Россия — это враг, и таким образом паранойя могла продолжаться», — говорит драматург. — Теперь же, когда нет врага, люди не знают, как организовать свою жизнь. Все смешалось». Эпоха переменялась, а Артур Миллер по сути остался тем же.

«Несколько миллионов американцев живут в настоящее время ниже черты бедности, — продолжает он, — и по этому поводу никто ничего не говорит. Наоборот, есть тенденция к сокращению дотаций на социальные нужды. Более того, как будто возрождается ностальгия по тому времени, когда государство никому не помогало. Да, ностальгия по старой Америке, когда каждый за себя и для себя! Политические деятели не касаются этих вопросов. Поскольку угрозы социализма больше не существует, уже нет необходимости заниматься социальными проблемами. К сожалению, людям каждый день надо есть. Остается только узнать, каким образом».

Последняя вещь Артура Миллера — не пьеса для театра, а роман, второй после «Фокуса», вышедшего в 1945 году. Его можно было бы также назвать репортажем, направленным против антисемитизма, — так он близок к реальности. «Какая-то девочка» — своего рода подведение итогов, история и смешная, и грустная, в которую Миллер вложил все, что с детства близко его сердцу. Героиня романа Джаниса — девушка из старой еврейской семьи иммигрантов, которые преуспели на торговле недвижимостью и таким образом смогли осуществить свою мечту об интеграции в американское общество. «Родители Джанисы были отчаянно глупы, это были евреи, ужасно важничавшие, когда получили новую фамилию, присвоенную им в конце века ин-спектором иммиграционной службы, ирландцем, который не в силах был произнести фамилию русского происхождения, которую носил ее прадед». Когда Джаниса вышла замуж за Сэма Финка, нью-йоркского еврея, коммуниста, у нее было такое чувство, точно она обрела независимость, бросив настоящий вызов. «Она радовалась своей удаче или, вернее, своему критическому чутью. Ведь именно ему она обязана тем, что смогла вернуться от этого тяжеловесного европейского столбового сребра, от этих пузатых кресел, от этих километров восточных ковров, короче, от бремени собственности, которая, как считалось, была залогом стабильности. Красивой, может быть, она и не была, но по крайней мере в ней чувствовалась сила и она освободилась от иллюзий, от которых ее отец так и не смог отделаться».

альным супругом голливудской «звезды».

Особенно Миллера и Монро преследовали фотографии одного правого издания — «Ньюс».

«Все выяснилось однажды утром, — вспоминает Миллер, — когда Мэрилин, заметив их из холла, отступила и спустилась в подвал, надеясь выйти через заднюю дверь. Она была без макиажа, в потрепанном и великоватом для нее свитере, покрыла голову платком, завязав его узлом под подбородком, как будто у нее болели зубы. Она часто так одевалась, когда ей приходилось отправляться на другой конец города к своему врачу. В таком наряде она не привлекала к себе никакого внимания. Но сейчас репортеры высыпали на улицу и, обнаружив ее среди мусорных контейнеров, сфотографировали, чего так добивались в течение нескольких дней. Эти фотографии появились в «Ньюс» на первой полосе. Вот она — так называемая красавица, невеста Америки, вечно улыбающаяся — стоит с припухшими глазами, подняв руку на читателя, как какая-нибудь истеричная домохозяйка».

Секрет

его молодости

Что такое с миром, который знал Артур Миллер? Голливуд уже не тот, что был во времена,

Революционные идеалы Сэма делали его практически нежизнеспособным. Когда был подписан пакт между Германией и Советским Союзом, его престиж интеллектуала, у которого есть ответы на все вопросы, был серьезно поколеблен. В кафе и барах района Гринвич-Виллидж, где только и говорили, что об этом чудовищном соглашении, он не мог представить ни одного убедительного аргумента. Потом он уезжает воевать в Европу, но и его новый статус героя не помогает их сближению с Джанисой. «Какая-то девочка» — это не только история обманутых надежд, это мастерски написанное повествование, полное юмора, который как бы облегчает тяжесть драм повседневной жизни. Как, например, в эпизоде, когда героиня забывает в кафе в день похорон своего отца урну с его прахом. И отец, такой элегантный, так заботившийся о своей внешности, кончил тем, что был спущен в канализацию!

Это гимн жизни, свободной от удушающих иллюзий, будь то погруженность в дела или политическая активность. «Это как Великая депрессия: люди ждали момента ее окончания, а тем временем забывали жить. А если бы она продолжалась вечно?» — вопрошает Миллер.

Видимо, в этом заключается секрет молодости самого драматурга. В этой смеси безразличия и любопытства, которая побуждает его после двухчасового интервью сесть в такси и отправиться на Бродвей, чтобы посмотреть пьесу молодого автора. А на следующий день отправиться на машине за триста километров от Нью-Йорка — посмотреть на съемки «Салемских колдуний». В то же время он работает над новой пьесой и иногда доставляет себе удовольствие язвительно выступить в прессе на какую-нибудь тему. Такой последний во времени выпад он сделал, предложив не более и не менее как приватизацию конгресса:

«Сейчас проходит широкая кампания по приватизации. Я считаю, что, осуществив приватизацию конгресса, мы тем самым ликвидировали бы эти смешные выборы, промышленники тогда должны были бы платить лишь заработную плату непосредственно политикам. А эти последние официально могли бы представлять тех, которых они так или иначе все равно представляют».

Нынешний Миллер не очень отличается от того Миллера, который написал «Смерть коммивояжера» почти полвека назад. И сегодня он мог бы ответить так же, как несколько лет назад, когда его спросили, какое он испытал самое большое счастье как писатель: «Все последние годы, когда я вижу постановку одной из моих пьес, написанной, скажем, тридцать пять лет назад, и когда я вижу зрителей, замороженных, как на первом представлении, мне приятно думать, что у них возникает мысль: а ведь этот человек все-таки чего-то стоит. Думать так — уже чудо, зная о числе себе подобных, которых мы уничтожили на протяжении этого века».